

УДК [94+323.1](47+57) |1985/1991|

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ПОЗДНЕМ СССР (1985–1991 ГОДЫ): ОТ КРИЗИСА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ К РАЗВАЛУ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье анализируется роль этноэлит в период нарастания дезинтеграционных процессов в СССР (1985–1991 гг.), приведших к его распаду. Рассматриваются политические практики, с помощью которых национальные элиты реализовали механизм слома единого государства и создали этнократические режимы на постсоветском пространстве. Делается вывод о мобилизующем значении этнонационализма как мощного оружия против Центра за контроль над республиканскими ресурсами.

Ключевые слова: национальные элиты, перестройка, союзные республики, народы, власть, государство.

The National Elites in the Late Soviet Union (1985–1991): from the Crisis of Inter-ethnic Trust to the Collapse of a Unified State

A. P. Myakshev

The role of the national elites in a period of disintegration processes in the USSR (1985–1991), which led to its collapse, is analyzed in the article. The political practices, with the help of which the national elites realized the mechanism of the unified state's demolition and created ethnocentric regimes on the post-Soviet space are examined. There is a conclusion about the mobilizing importance of ethnonationalism as a powerful weapon against the Centre used to control the republican resources.

Key words: national elites, perestroika, Soviet republics, peoples, authority, state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328

В предыдущих своих публикациях автор попытался на конкретно-исторических материалах, взятых из фондов центральных и местных архивов, аргументировать положение о том, что уже в рамках так называемого «развитого социализма» политическому руководству СССР пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках¹.

Исследованию процесса последовательного, целенаправленного захвата политическим этнонационализмом ресурсов, собственности, власти на «своих этнических» территориях и созданием этнократических режимов в советских национальных республиках в послевоенный период посвящена выходящая в свет в ближайшее время монография автора «Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.): от общей Победы к кризису межэтнического доверия». Целью настоящей статьи является анализ механизма реализации

национальными элитами своего проекта развала СССР в годы горбачевской перестройки.

Представляется, что перестройка не являлась свидетельством «банкротства» советского проекта², «упущенным шансом»³ спасти советскую модель или попыткой придать советской системе «новый импульс к развитию»⁴. Не имеет существенного значения и внутреннее деление периода «из шести лет» на два⁵ либо четыре⁶ этапа. На наш взгляд, истоки процесса уничтожения советского социалистического общественно-экономического устройства и распада многонационального государства следует искать в связи и параллельно с процессом глобальной трансформации мировой политической элиты, органичной частью которой выступило большинство советской союзной и республиканской партгосноменклатуры. Именно это обстоятельство оказалось для «прорабов» перестройки неожиданным, поэтому короткий шестилетний «финал» советской истории оказался «чистой импровизацией» и закончился «подлинной трагедией»⁷. Проблематично считать, что значение «перестройки» заключается в том, что «в ее ходе была отработана тупиковая модель модернизации социалистической системы советского образца и открыта возможность поиска иных способов модернизации»⁸, прежде всего потому, что подобный «эксперимент» привел к гибели не только идей и идеологий, государств и союзов, но и физическому уничтожению многих сотен тысяч людей.

Перестройка явилась среди прочего «набором технологий и практик», с помощью которого национальные элиты реализовали механизм слома единого государства и создания этнократических режимов на постсоветском пространстве. Бесспорным итогом и порождением перестройки в этой связи представляется порошковская Украина наших дней. Нет нужды доказывать, что «эпоха Хрущева и Брежнева» была временем становления могущества политической формы этничности в советских национальных республиках, неразрывно связанной с уже созданным и «расцветающим» историко-культурным нарративом. На эпоху «застоя» приходится расцвет политического этнонационализма в республиках, выражавшийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения доступа к высшему образованию. Окончательное оформление национальных кланов в период «развитого» социализма при явном попустительстве центральной власти, отдающей в обмен на политическую лояльность все больше привилегий в национальные республики, создало

к периоду перестройки непреодолимый фундамент национал-сепаратизма. Стремление к национальной замкнутости и ограниченности объективно усиливалось параллельно возрастанию коррупции и других признаков морального разложения национальных руководящих элит, делало их независимыми от центра, создавая тем самым реальные предпосылки дезинтеграционных процессов в СССР.

Национальные элиты к середине 1980-х гг. были всецело готовы к тому, что не смогли сделать ни «сталинская модернизация», ни кампании борьбы с национализмом, антисемитизмом, антипатриотизмом, «феодално-байскими предрассудками и патриархальными отношениями», они «изготовились» для разрушения советских форм межэтнического доверия и солидарности. Советская национальная политика, предполагавшая помощь «отсталым» народам в достижении уровня развития европейской части страны, политическое и правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ и впервые в мировой практике позволившая на принципах доверия выстроить вертикальные и горизонтальные связи и интегрировать советское общество, одновременно создавала и предпосылки для разрушения этих связей.

Горбачев и большая часть советского руководства этих реалий не знала, поэтому учитывать их не могла. О теоретической несостоятельности и дилетантизме в сфере управления межнациональными отношениями нового советского лидера автор посвятил одну из своих статей⁹. Собственно, сам Горбачев этого не отрицал, признавшись в апреле 1990 г., что появление национального вопроса для руководства страны было неожиданным: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет»¹⁰.

Судя по воспоминаниям В. И. Воротникова, национальный вопрос был поднят только 1 декабря 1986 г. на совещании у М. С. Горбачева, через год и 8 месяцев после того, как он стал лидером государства. Причем озабоченность состоянием дел в национальной сфере высказал председатель КГБ В. М. Чебриков¹¹. Партийная элита продолжала намеренно скрывать факты вырвавшихся из латентного состояния конфликтов с национальными оттенками. Так, 4 июля 1985 г. секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопрос «о фактах серьезных беспорядков среди призывников воинского эшелона, следовавшего маршрутом Батайск – Мары»¹². Несмотря на то что драки призывников-мусульман (в основном из республик Северного Кавказа) с немусульманами продолжались в течение двух дней, секретариат счел отнести причины «беспорядков» к недостаткам нравственного и интернационального воспитания¹³. От общественности эти события были скрыты, призывники из республик Северного Кавказа «судили о случившемся понаслышке», и уже в ходе весеннего призыва 1986 г. в военкоматы Северного Кавказа «не явилось около 200 человек»¹⁴.

Позиция партийных чиновников не изменилась и после «якутских» событий конца марта – начала апреля 1986 г., когда в течение трех дней в Якутске происходили массовые драки между русскими и якутами и демонстрации якутской молодежи¹⁵. Местный обком партии в своем сообщении в ЦК КПСС 3 апреля, «когда уже была ясна националистическая окраска событий», «квалифицировал их по существу как простое хулиганство»¹⁶. Комиссия, прибывшая из ЦК, «по горячим следам» не рассмотрела «в конфликте межнационального оттенка» и «недооценила перерастания его в выступление националистического толка»¹⁷. На стихийном митинге в актовом зале университета присутствовавшие секретарь обкома по идеологии, первый секретарь горкома, первый секретарь райкома, другие партийные и комсомольские работники выступили «в роли пассивных наблюдателей»¹⁸. Между тем программа «якутских националистов» сводилась к лозунгу «Якутия для якутов, долей русских!»¹⁹ Иного пути национальные элиты уже не видели. Центр же переложил всю ответственность «на партийное руководство республики и лично первого секретаря обкома Ю. Н. Прокофьева» и всего лишь обратил внимание «на воспитание высокой культуры межнационального общения»²⁰.

Недооценив силу и мощь национальных элит, ко времени перестройки превратившихся в полноправных хозяев национальных республик и стремящихся стать «собственниками» «своих этнических территорий», М. С. Горбачев в декабре 1986 г. допустил роковую ошибку. Впрочем, осознанного намерения «дать укорот» «князьям гор и долин» у него не было. Скорее всего, побудительным мотивом к конфронтации с рядом авторитетных национальных партийных лидеров стало стремление «свести счеты» с теми, кто в свое время открыто не поддержал избрание Горбачева на должность генсека или не разделял взглядов лидера по текущим политическим вопросам. Именно на это обстоятельство («личная неприязнь и старые обиды») указывает хорошо информированный В. И. Болдин²¹. Помощник президента СССР А. С. Черняев подчеркивает, что Горбачев, как в свое время Хрущев и Брежнев, тяготел к аппаратным интригам и кадровым перетасовкам²². Первый украинский президент Л. М. Кравчук, полагая, что устранение первого секретаря ЦК КП Украинской ССР В. В. Щербицкого «состоялось» из-за его «неприятя» самой перестройки, вспоминал, что Щербицкий выпытывал у него, занимавшего пост секретаря по идеологии, «какой дурак придумал это слово “перестройка”?»²³.

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение об освобождении от должности первого секретаря казахстанского ЦК Д. А. Кунаева и замене его на русского Г. В. Колбина, имевшего опыт работы вторым секретарем в Грузии. Азербайджанский лидер Г. А. Алиев, единственный из членов Политбюро, выразил свои сомнения в связи с назначением малоизвестного номенклатурного работника на руководство одной из

крупнейших национальных союзных республик²⁴. Накануне, в ноябре, вспоминал М. С. Горбачев, он беседовал с Кунаевым о возможном преемнике. По словам Горбачева, Д. А. Кунаев дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР казаху Н. А. Назарбаеву и заявил, что среди казахов преемника не видит, «на посту первого секретаря должен быть русский»²⁵. По воспоминаниям самого Д. А. Кунаева, М. С. Горбачев отказался ответить на его вопрос о преемнике и грубо заявил: «Позвольте это решить нам самим»²⁶.

Таким образом, конфликт вырос не из желания Горбачева «преподнести урок Казахстану, а заодно и другим»²⁷, а был следствием аппаратных интриг. Последствия декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате были самыми трагичными и переломными в отношениях между союзным Центром и республиканскими национальными элитами.

С вечера 16 декабря вплоть до 19 декабря в Алма-Ате прошли массовые волнения казахской молодежи с требованиями, сводящимися к лозунгу «Казахам – казахского лидера!». В ходе беспорядков погибли 2 сотрудника МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин. Казахская партэлита, забыв внутренние распри (в феврале 1986 г. на XVI съезде Компартии Казахстана группа молодых казахских руководителей, среди которых выделялись Н. А. Назарбаев, Е. Н. Ауельбеков и З. К. Камалиденов, подвергли резкой критике методы руководства Д. А. Кунаева), мгновенно мобилизовалась и дала отпор Центру. Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев, прибывший по заданию М. С. Горбачева в Алма-Ату, так охарактеризовал обстановку: «Колбин ничего не мог сделать, так как находился в полной изоляции. Аппарат его не принял. Назарбаев, недавно избранный Председателем Совета Министров Казахстана, устранился. Кунаев сказался больным и помогать отказался»²⁸.

На собрании республиканского актива М. С. Соломенцев дал оценку событиям и назвал их «проявлением национализма»²⁹. Тем не менее Н. А. Назарбаев, ознакомившись с запиской Соломенцева об алма-атинских событиях, не согласился «с тем, что главной причиной является национализм», и заявил, что «это в большей степени было хулиганство». Соломенцев был вынужден напомнить Назарбаеву мнение простых людей, «которые хором говорили, что весь этот бунт затеяло высокое начальство казахской национальности, обиженное тем, что первым секретарем избрали русского»³⁰. Бывший советник, пресс-секретарь президента А. С. Грачев также указывает на то, что за этими «отнюдь неспонтанными беспорядками угадывалась уверенная рука если и не самого отставного 73-летнего казахского руководителя, то тех, кто захотел показать Москве, что пакт лояльности республики по отношению к Центру может быть расторгнут»³¹.

Вряд ли казахскую партэлиту напугали обещания нового руководителя Казахстана сломать сложившуюся в республике систему преференций по этническому и родовому критериям в кадровой политике и отказаться от «устаревшей» практики выдвижения руководящих работников по национальному признаку³². К августу 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии³³. Национальное представительство в высшем партаппарате было выровнено пропорционально национальной структуре населения республики: в конце 1987 г. из 32 членов Бюро ЦК Компартии Казахстана казахов было 13 человек (39%), из 156 членов ЦК Компартии Казахстана 65 человек (41%) по национальности были казахами, из 18 первых секретарей обкомов – 7 казахов (44%)³⁴. Под предлогом борьбы с клановой системой, коррупцией и протекционизмом в вузах «попугали» интеллектуальную элиту: потеряли свои должности министр образования и 12 ректоров, в алма-атинских вузах было уволено 319 преподавателей и исключено 182 студента³⁵. Впрочем, эти меры не успокоили русских казахстанцев. В 1987 г. из Джамбульской области выехало 46 тыс., Карагандинской – 24 тыс., Джезказганской – 26 тыс., Кызыл-Ординской – 22 тыс. «граждан только русской национальности»³⁶.

Опытный Г. В. Колбин быстро разобрался в ситуации: сохранить свою власть в республике можно было в одном случае – строить политику в интересах элиты титульного этноса. Летом 1987 г. такой подход был ярко продемонстрирован: русский руководитель Казахстана решительно пресекал претензии уйгуров на создание автономного образования³⁷. И все же для могущественной национальной элиты Колбин так и не стал «своим». В мае 1989 г. он покинул Казахстан, и казахская партэлита объединилась вокруг сильного национального лидера Н. А. Назарбаева. Тут же была проведена кадровая «санация», и вслед Колбину из высшего руководства республики было удалено 8 его ближайших сподвижников. Не заставил себя ждать первый этноконфликт: 17–29 июня 1989 г. в западноказахстанском Новом Узене прошли стычки между казахской и северокавказской молодежью. От широкомасштабной этнической чистки чеченцев и ингушей спасли введенные в регион части специального назначения.

Политический этнонационализм в Казахстане базировался на четко сформулированных и последовательно проводимых в жизнь этнократических принципах, концепции приоритета титульного этноса. В марте 1989 г. один из высокопоставленных казахстанских чиновников Т. С. Джилтиров обратился с письмом в Президиум Верховного Совета СССР, в котором протестовал против предложения предоставить национальным меньшинствам в республике права на образование своих автономий. Коренное население, писал Джилтиров, не поймет, «когда на лучших землях

Казахстана будут возникать немецкие, курдские, «туркские» автономные районы и области», тем более, что «все эти национальные меньшинства в основном обжили те исконно казахские регионы», где лучше климат, плодороднее почва, больше влаги»³⁸. «Впору больше защищать не нацменьшинства, заключал он, а аборигенов, поставленных в очень сложные житейские условия», поднимать «их жизненный и культурный уровень до уровня «обиженных» немцев, татар, курдов»³⁹. Вопрос о «разделе земли, почв, влаги, солнца, дорог» приобретал для этноэлит первостепенное значение.

В сентябре 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.». Националисты «предстали» первыми борцами за перестройку, вновь явленными «декабристами», а те, кто пытался препятствовать беспорядкам, будут обвинены в жестокости при разгоне «демократических демонстраций». Так, комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила народного депутата СССР, председателя Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещерякова, в 1986 г. занимавшего пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, в вооружении дружинников и в «организации избивения ни в чем не повинных людей»⁴⁰. Сам Мещеряков прямо указывал, что, «пытаясь оправдать хулиганов и погромщиков, в самой комиссии находились лица, которые допустили выступления студенчества, за что некоторые из членов комиссии были впоследствии наказаны»⁴¹. Передовые отряды титульных этносов больше не скрывали своих намерений, союзный Центр к этому времени утратил все рычаги влияния на мобилизовавшиеся элиты. По мнению народных депутатов СССР С. Г. Васильева и В. С. Туренко, всего за несколько лет перестройки националистическое движение в Казахстане приняло «угрожающие размеры»: в Совете Национальностей отсутствовали «представители русской нации» от Казахстана, в руководстве республики преобладали представители коренной нации, из 45 высших руководителей Совмина республики – более 2/3 казахов⁴².

В годы перестройки определяющим фактором эволюции национальных элит стал поиск эффективного механизма и «пассионарного» потенциала для уничтожения последних, зачастую уже превратившихся в «условных», связей-зависимостей-обязательств от союзного Центра. Одной из наиболее активных движущих сил борьбы с федеральной властью стали национальные движения народов, депортированных в годы войны и не «заслуживших» реабилитации в 1950–1980-е гг. Первыми активизировались крымские татары, и уже в июле 1987 г. советское руководство вынуждено было создать Госкомиссию по крымским татарам во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

Тогда же возникла реальная возможность исправить не только несправедливость по отношению к крымским татарам, но и ошибку с передачей Крыма в состав Украины. Однако на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку якобы несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. С. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве «трещины в славянском ядре “социалистической империи”». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено⁴³. В конечном счете советское руководство образовало новую государственную комиссию и приняло решение вернуть в Крымскую область УССР более 300 тыс. крымских татар⁴⁴. Украинское руководство Крымской области в ноябре 1989 г. приняло решение о переселении в Крым «граждан крымско-татарской национальности», однако «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц» не разрешило «расселения и строительства индивидуальных домов» в 3-километровой зоне побережья Черного и Азовского морей⁴⁵.

Под давлением союзного руководства 12 ноября 1990 г. внеочередная сессия Крымского облсовета с участием председателя Верховного Совета УССР и будущего президента Украины Л. М. Кравчука приняла Декларацию о государственном и правовом статусе Крыма, в которой провозглашалось право народов Крыма на воссоздание государственности в форме Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Реализацию этого права предполагалось осуществить на основе народного референдума, намеченного на 20 января 1991 года. Однако за день до решения Крымского облсовета Президиум Верховного Совета Украины категорически заявил, что «Крым имеет право на автономию или особый статус» только «в составе УССР»⁴⁶. Сам Центр после того как весной 1991 г. законом УССР была восстановлена Крымская АССР и крымско-татарское движение приступило к образованию «параллельных структур власти в виде меджлиса»⁴⁷, предпочел самоустраниться от решения этого вопроса и всецело положиться на украинскую политэлиту.

Собственно в этом же ключе решалась и «турко-месхетинская проблема». После того как в октябре 1986 г. месхетинцы побывали на приеме у первого секретаря ЦК КП Грузии Д. Пагиашвили, выезжали в бывшие свои села и убедились, что «там в 84-х селах никто не живет и в Грузии можно было бы безболезненно поселить 70 тысяч человек»⁴⁸, грузинское руководство на словах согласилось с возвращением турок. Но вскоре выполнение этого постановления было сорвано, а сроки переселения грузинским ЦК были вскоре продлены до 2000 г.⁴⁹ Даже после изгнания турок-

месхетинцев летом 1989 г. из Узбекистана грузинская политэлита упорно воздвигала барьеры перед турками в их стремлении вернуться на родину. Месхи, вывезенные в Орловскую, Смоленскую, Белгородскую, Курскую, Воронежскую области, Краснодарский край, заявили, что «в Узбекистан не вернуться, в РСФСР «климат не подходит», и настаивали на переселении в Грузию»⁵⁰. Лидер турко-месхетинского движения Ю. Сарваров считал, что грузинские власти препятствовали возвращению турок на свою историческую родину, «при этом надеясь на то, что от безысходности месхи закрепятся в пустующих районах РСФСР»⁵¹.

Союзное руководство в июле 1991 г. направило официальное обращение президенту Грузии З. К. Гамсахурдиа с просьбой принять месхетинцев⁵². Тогда же представители Всесоюзного общества месхетинских турок «Ватан» встретились с Председателем Верховного Совета Грузии А. Т. Асатиани, который ответил, что руководство республики не собирается подписывать союзный договор и не считает Грузию составной частью Союза, поэтому не обязано выполнять какие-либо решения органов Союза ССР. К тому же, подчеркнул А. Т. Асатиани, нельзя считать Месхетию исторической родиной турок, «их родина – Турция», поэтому «это проблема не Грузии, а Советского Союза и Турции»⁵³. Грузинская элита делиться властью и территорией с кем-либо не собиралась.

Позиция азербайджанского руководства по отношению к курдам, покидавшим в это время Узбекистан, Армению, Казахстан, Киргизию⁵⁴, была мягче. На встрече в ЦК КП Азербайджана в ответ на просьбу курдской делегации во главе с М. С. Бабаевым создать комиссию для образования автономии в республике, курды получили следующий ответ: «Мы вас готовы принять, но автономию не дадим»⁵⁵.

Против создания немецкой автономии на Волге категорически выступила местная саратовская партэлита. Еще в марте 1989 г. председатель Совета Национальностей А. Э. Восс после беседы с немецкой делегацией сообщил, что ряд руководящих работников Саратовской и Волгоградской областей пытаются «поставить под сомнение целесообразность даже обсуждения вопроса о немецкой автономии» и препятствуют переезду немцев в районы их прежнего местожительства⁵⁶. После того как советское руководство поддержало идею немецкой автономии на Волге, а в центральной печати появились сообщения о том, что подготовлен проект о восстановлении автономии немцев в Поволжье, местные партийцы осенью 1989 г. организовали отпор. Члены комиссии Верховного Совета, побывавшие на территории бывшей АССР НП, были единодушны: «по Саратовской области, и в особенности по г. Марксу, имеется целый ряд фактов о том, что здесь при попустительстве и молчаливом одобрении руководства сформировалось организованное противодействие восстановлению АССР НП»⁵⁷. Людям через СМИ постоянно внушали

мысль о том, что «автономия приведет к новому Карабаху. Мы – против»⁵⁸. Противодействие самой идее немецкой автономии в 1990 г. усилилось, а деятельность антиавтономистских комитетов «Россия» приобретало «все более организованный и воинствующий характер»⁵⁹.

Не удалась попытка КГБ СССР «одернуть» местные элиты. Сотрудник КГБ А. Н. Кичихин открыто выступил с обвинениями в коррупции и возбуждении национальной розни в адрес саратовских руководителей (назывались имена секретарей райкомов В. Л. Зюзина и В. В. Рогалева, председателя облисполкома Н. С. Александрова, секретаря обкома Ю. Д. Баранова, члена бюро обкома И. П. Кузнецова)⁶⁰. Но это партаппарат не испугало. Более того, руководитель Совмина СССР, бывший саратовский первый секретарь обкома В. К. Гусев заявил, что в «настоящее время отсутствуют условия для восстановления автономии», а решение об образовании такой автономии чревато «опасностью образования» в Поволжье «еще одного очага национальных конфликтов»⁶¹. Тем не менее, в декабре 1990 г. в Верховном Совете СССР был обсужден проект постановления Верховного Совета СССР «О государственных гарантиях национального возрождения советских немцев», предусматривавший создание Национального Совета немцев СССР и наделение его полномочиями органа самоуправления и выразителя национального суверенитета немцев СССР⁶². Местная элита стояла на своем: отдавать немцам власть над большей частью области она ни в коем разе не собиралась. В октябре 1991 г. Саратовский областной совет заявил о невозможности воссоздания немецкой автономии в любой форме и пригрозил в противном случае организовать в области кампанию гражданского неповиновения⁶³. Все это и привело к исходу немецкого населения из СССР. Прав был помощник Президента СССР А. С. Грачев, когда с горечью констатировал, что «драмы репрессированных народов вторглись в политическую жизнь страны, перекраивая на свой лад повестку дня перестройки, ломая график, который хотел установить для нее Горбачев»⁶⁴.

Элиты народов, автономии которых были восстановлены в 1957 г., на прошедшем 23–24 ноября 1990 г. в Москве учредительном съезде репрессированных народов открыто обвинили центральные и российские власти в том, что они «ничего не делают» по реабилитации народов, а «партийные «бюрократии» Осетии, Саратова, Грузии осваивают в это время заброшенные исконные земли репрессированных народов»⁶⁵. Особо не церемонясь с «вконец ослабевшим» Центром, на съезде выдвигались предложения «организовать суд над КПСС», «провести второй съезд в Кремле и добиться извинений Горбачева за беды, причиненные КПСС»⁶⁶, провозглашались программы борьбы за «полный суверенитет государственных образований чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов в границах до репрессивных актов»⁶⁷. От провозглашения подобных

лозунгов элиты стремительно переходили к переводу латентной фазы этноконфликтов в горячую.

Этнические конфликты, которые стремительно покрыли национальную карту СССР, стали главным аргументом в борьбе этноэлит с «ненавистным» Центром. Любое проявление национальной нетерпимости трактовалось теперь как наследие «имперского прошлого», «пробуждение национального самосознания», «достижение исторической справедливости», облекалось в форму непримиримости к союзным структурам власти и направлялось в русло безусловного признания необходимости слома существующей модели межнационального взаимодействия в единой стране.

Не случайно на состоявшейся 4 ноября 1988 г. сессии Нагорно-Карабахского облсовета депутаты главной причиной разгорающегося армяно-азербайджанского конфликта посчитали «действующую Конституцию СССР», которая якобы «фактически» устанавливала «примат союзной республики над инациональной по отношению к ней автономией» и закрепляла «право и возможность одной нации распоряжаться и довлеть над другой нацией»⁶⁸. До сих пор в постсоветской историографии довольно устойчиво мнение о том, что конфликт перешел в «военную» стадию из-за стратегической ошибки М. С. Горбачева, 26 февраля 1988 г. обсуждавшего в Кремле положение армян Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и Нахичевани с представителями армянской литературы З. Балабяном и С. Капутикян⁶⁹.

Очевидно было, что ослабление конфликта вокруг НКАО возможно было исключительно в рамках единого государства. Советское руководство не обратило внимание на мнение научных экспертов. К примеру, в мае 1988 г. Ж. Г. Голотвин предлагал высшему руководству страны освободить «скомпрометировавших себя первых секретарей ЦК КП Азербайджана и Армении, поскольку нагнетание напряженности – повод, используя который, можно отвлечь внимание трудящихся Армении и Азербайджана от коррупции»⁷⁰. Для разрешения конфликта ученый предлагал «передать НКАО во временное управление Российской Федерации» либо «преобразовать НКАО в автономную республику»⁷¹. На самом деле, главной ошибкой Горбачева была вера в то, что азербайджанская и армянская политэлиты «договорятся между собой». Р. Г. Пихоя, исследовавший рабочую запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 февраля 1988 г., полагает, что даже после Сумгаита у Горбачева сохранялась надежда на возможность мирной договоренности между азербайджанским и армянским руководством⁷². Союзное руководство, опираясь на горбачевские обещания принять «любую формулу», о которой договорятся между собой элиты двух республик, по сути, само исключало себя из механизма принятия решений по разгорающемуся этноконфликту.

Республиканские элиты, манипулируя «правдой» о «пылающих межнациональных конфлик-

тах», быстро внушили мысль о «демократической составляющей национальных движений» и «тоталитарной злонамеренности советского режима», «способного лишь на депортации и репрессии против свободолюбивых и некогда покоренных империей народов». Подобный дискурс присущ оценке практически всех этноконфликтов периода «перестройки». Трагедия, случившаяся 9 апреля 1989 г. в Тбилиси, когда власть все-таки санкционировала применение войск для восстановления мира и спокойствия в бурлящем Тбилиси (с 4 апреля здесь беспрерывно проходил несанкционированный митинг сторонников З. Гамсахурдиа под лозунгами «Независимость Грузии!», «Долой Российскую империю!», с требованиями ликвидации автономии Абхазии), была ловко использована элитами для создания образа «репрессивного центра», в конечном счете, для активизации борьбы за выход Грузии из СССР. Центр, испугавшись, «возложил ответственность» на ЦК Компартии Грузии и командование Закавказского военного округа⁷³, тем самым еще более усугубил свое положение и «поспособствовал» приходу к власти в Грузии «апрельских экстремистов». Логичным следствием событий 9 апреля стала не только эскалация конфликтов вокруг Южной Осетии и Абхазии, но и стремительный выход Грузии из-под юрисдикции союзных властей с вождельным лозунгом грузинской политэлиты «Грузия – для грузин»⁷⁴.

Еще одним методом слома всей системы межнационального взаимодействия в стране явилась откровенная русофобская кампания, развернувшаяся в стране. Уже алма-атинские события декабря 1986 г. в известной записке Г. Литвиновой характеризовались «не столько как всплеск национализма, сколько как всплеск русофобии»⁷⁵. В широком распространении антирусских настроений в Латвии, Литве и Эстонии сумели убедиться в ноябре 1988 г. члены Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведев, Н. Н. Слюньков, В. М. Чебриков, когда во время поездки в эти республики их встречали с плакатами «Русские, убирайтесь вон!» и «Немедленный выход из Союза» и т. п.⁷⁶ Лидер месхетинского национального движения Ю. Сарваров сообщил, что в феврале 1989 г. в Узбекистане к месхетинцам «приходили и сказали, что всех европейцев выставим, будем мощным государством, присоединяйтесь»⁷⁷.

Основной удар местные национальные элиты направили против русского языка – одного из главных объединительных факторов государства. Наиболее сильным и организованным движением против русского языка оказалось в Молдавии, где с 1988 г. начали предприниматься действия по ликвидации русских классов, организовывались митинги, где провозглашались лозунги «Молдаване объединяйтесь!», «Бей оккупантов!», «Нет русификации!»⁷⁸. Призыв «русских людей из Донбасса» «спасти Союз может только одно – срочное принятие статуса государственного языка на территории СССР – русского языка!»⁷⁹ властью не был услы-

шан. Антирусской истерии, охватившей национальные регионы, способствовала политика той части российской политэлиты, которая рассматривала «национальный взрыв» в СССР главным фактором достижения власти в суверенных республиках.

В октябре 1990 г. Россия заключила прямые двусторонние договоры с Украиной и Казахстаном, в которых предполагалось строить отношения на основе признания взаимного суверенитета⁸⁰. После январских событий в Литве в 1991 г. Россия демонстративно подписала «антисоюзные» договоры с Латвией, Литвой, Эстонией. Председатель палаты Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Г. Абдулатипов вынужден был заявить, что эти договоры «автоматически превращают миллионы русских, проживающих в этих республиках, в иностранцев». Если «идти на развал нынешнего Союза, то мы делаем, — полагал он, — иностранцами около 30 миллионов русского населения»⁸¹.

В 1989–1990 гг. местные элиты приступили к методичному захвату власти. Секретарь Львовского обкома КП Украины В. Секретарюк сообщал, что господствующей идеологией органов власти стала «идеология украинского национализма: произошла реабилитация “бандеровщины”; официально зарегистрированы партии, программными целями которых провозглашалась борьба за полный выход Украины из состава СССР; приняты решения райсоветов против КПСС и КПУ; Львовский совет принял решение о демонтаже памятников В. И. Ленину, об отмене советских праздников» и т. д.⁸² Тогда же на западе Украины возникли «сепаратистские» движения: поступали предложения «вернуть» «сегодняшнему Закарпатью» «незаконно отнятый Сталиным статус автономной республики и вернуть коренному населению название русин»⁸³, в Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях была выдвинута идея воссоздания «суверенной Галицийской республики» с включением в нее Закарпатье («иначе у Галиции не будет выхода в Западную Европу» и она окажется «внутри Украины»). «Галицкие эмиссары» попытались склонить русинов «поддержать их в этих планах», в противном случае угрожали кровопролитием. Русинов же хотели «жить вместе с русским, белорусским, украинским народами в СССР»⁸⁴.

Так, уже в начальный период перестройки, полагает Р. Г. Пихоя, национальный фактор превратился в «фетиш, в самостоятельную ценность, в фактор, обеспечивающий быструю и шумную карьеру представителям местных элит»⁸⁵. По мере ухудшения экономической ситуации местные элиты «были склонны переключать недовольство народа на переживавшее кризис центральное правительство» и «на другие народы, отыскивая в далекой истории поводы для споров, скрытые или исчезнувшие было разногласия»⁸⁶. А. С. Барсенков не сомневается, что «союзно-республиканские элиты по достоинству оценили мобилизуемое значение

этнонационализма как мощного оружия против Центра за контроль над республиканскими ресурсами в ходе провозглашенной экономической реформы»⁸⁷. Таким образом, «перестройка» стала временем стремительной внутренней консолидации национальных элит и их радикального политического обособления и разрыва с общесоюзным руководством.

Уже в ноябре 1991 г. один из руководителей Верховного Совета СССР А. Т. Алимжанов признавал: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает свои интересы»⁸⁸. Зато не сомневалась «новая демократическая» российская элита, как и ее один из наиболее ярких представителей А. А. Собчак, заявивший, что «Будущему сообществу потребуется представительный орган по типу Европарламента, и здесь Верховному Совету СССР следует обеспечить преемственность на переходный период до выборов в такой “Европарламент”»⁸⁹.

Примечания

- 1 См.: Мякшев А. П. Советская национальная политика : факторы успеха, уникальность опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 40–49 ; *Он же*. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР : специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) // Там же. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 410–415 ; *Он же*. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период : основные направления и тенденции // Там же. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 40–49.
- 2 См.: Безбородов А., Елисеєва Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. СПб., 2010. С. 128–130.
- 3 См.: Польшов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. М., 2010.
- 4 См.: Шубин А. В. Парадоксы перестройки : Упущенный шанс СССР. М., 2005.
- 5 См.: Согрин В. В. Политическая история современной России : от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 6–7.
- 6 См.: Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002. С. 55.
- 7 Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 476.
- 8 Там же. С. 477.
- 9 Мякшев А. П. О роли М. С. Горбачева в распаде СССР // Историческое прошлое и образы истории : материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Саратов. гос. ун-те им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2013. С. 470–479.
- 10 Союз можно было сохранить. Белая книга : Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 104.
- 11 См.: Воронников В. И. А было это так : Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 114.
- 12 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 11. Д. 138. Л. 1.

- ¹³ РГАНИ. Л. 1.
¹⁴ Там же. Д. 192. Л. 4.
¹⁵ Там же. Пер. 23. Д. 34. Л. 9, 10.
¹⁶ Там же. Л. 15.
¹⁷ Там же. Л. 9.
¹⁸ Там же. Л. 11.
¹⁹ Там же. Л. 10.
²⁰ Там же. Д. 15. Л. 1, 2.
²¹ См.: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. М., 1995. С. 230–232.
²² См.: *Черняев А. С.* 1991 год : Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 19.
²³ См.: *Одноколенко О.* Прощай СССР. Интервью с Л. Кравчуком // *Итоги.* 2011. № 33. С. 30–31.
²⁴ См.: *Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачёва. Алматы, 1994. С. 272.
²⁵ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498.
²⁶ *Кунаев Д. А.* Указ. соч. С. 288.
²⁷ *Горбачев М. С.* Указ. соч. Кн. 1. С. 498.
²⁸ *Соломенцев М. С.* Верю в Россию. М., 2003. С. 572.
²⁹ Там же. С. 573.
³⁰ Там же. С. 574.
³¹ *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 261.
³² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 20–26.
³³ Там же. Д. 1669. Л. 15.
³⁴ Там же. Д. 1666. Л. 1.
³⁵ Там же. Д. 1671. Л. 260.
³⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 80.
³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1647. Л. 9.
³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 2.
³⁹ Там же. Л. 3, 4.
⁴⁰ Там же. Д. 111. Л. 126, 127.
⁴¹ Там же. Л. 128.
⁴² Там же. Л. 102.
⁴³ См.: *Союз можно было сохранить.* С. 15.
⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 15, 16.
⁴⁵ *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 198, 199.
⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 320. Л. 5.
⁴⁷ Там же. Л. 131.
⁴⁸ Там же. Д. 123. Л. 52.
⁴⁹ Там же. Оп. 10. Д. 103. Л. 18, 19.
⁵⁰ Там же. Оп. 6. Д. 123. Л. 52.
⁵¹ ГАРФ. Д. 112. Л. 122.
⁵² Там же. Д. 322. Л. 26.
⁵³ Там же. Л. 32.
⁵⁴ Там же. Д. 114. Л. 30.
⁵⁵ Там же. Л. 25.
⁵⁶ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 2 об.
⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 8.
⁵⁸ Там же. Д. 110. Л. 42, 43.
⁵⁹ Там же. Д. 205. Л. 30.
⁶⁰ Там же. Л. 47, 49, 71.
⁶¹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 8. Д. 60. Л. 4.
⁶² ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 205. Л. 116, 117.
⁶³ См. подр. : *Мякишев А. П.* Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // *Энциклопедия Саратовского края.* Саратов, 2002. С. 300.
⁶⁴ *Грачев А. С.* Указ. соч. С. 262.
⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 333. Л. 7.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. Л. 8.
⁶⁸ Там же. Д. 112. Л. 4.
⁶⁹ См.: *Союз можно было сохранить.* С. 18–20.
⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 10.
⁷¹ Там же. Л. 10, 12.
⁷² См.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 469.
⁷³ См.: ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 2. Д. 19. Л. 55-а, 62–68, 74, 79, 84, 96 и др.
⁷⁴ Там же. Оп. 6. Д. 117. Л. 15.
⁷⁵ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 46.
⁷⁶ *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 12.
⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 123. Л. 52, 60.
⁷⁸ Там же. Д. 2201. Л. 165, 166.
⁷⁹ Там же. Д. 112. Л. 59.
⁸⁰ См.: *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.* М., 1990. № 27. Ст. 353.
⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 109. Л. 170.
⁸² Там же. Оп. 6. Д. 218. Л. 21–30.
⁸³ Там же. Оп. 10. Д. 114. Л. 59.
⁸⁴ Там же. Л. 58.
⁸⁵ *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 472, 474.
⁸⁶ *Бюффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 220.
⁸⁷ *Барсенков А. С.* Указ. соч. С. 123.
⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 68.
⁸⁹ *Известия.* 1991. 14 дек. С. 1.

Образец для цитирования:

Мякишев А. П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 321–328. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328.

Cite this article as:

Myakshhev A. P. The National Elites in the Late Soviet Union (1985–1991): from the Crisis of Inter-ethnic Trust to the Collapse of a Unified State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations,* 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 321–328 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328.